

Ло Инбай не замечал ничего вокруг, сосредоточенно разглядывая кусок ткани. На ней проступал чёрный узор — изображение летающей головы варвара с отделённым туловищем. В области сердца головы был нарисован странный символ тёмно-красного цвета, почти незаметный, если не присматриваться.

Он потёр ткань пальцами и уверенно заявил:

— Это кровь.

Ся Сяньнин открыл бутылку с дикими духами. Те, словно под воздействием наркотика, с блаженными лицами бросились к заклинанию, целуя и касаясь его. Те, кто не смогли протиснуться, терлись о ткань, что привело Ло Инбая в полное изумление. Теперь он понял, что по сравнению с этим поведением духи вели себя с ним довольно сдержанно.

— Что это за ситуация? Посмотри скорее.

Он сам был не глуп, но от природы ленив, а в присутствии знакомых людей эта черта проявлялась ещё сильнее. Теперь, когда рядом был Ся Сяньнин, он вообще не хотел напрягаться.

Ся Сяньнин, не жалуясь, некоторое время изучал заклинание, а затем сказал:

— Для проклятия с использованием гу летающей головы требуется кровь человека, на которого направлено проклятие. Это заклинание нарисовано на одежде, вероятно, чтобы впитывать кровь. Бродячие духи, почувствовав запах зловещей крови, инстинктивно стремятся к ней. Теперь всё становится понятно.

Ло Инбай воскликнул:

— А, теперь я понял! Злой дух, за которым вы гнались той ночью, побежал к дому Оу Цзыхэна, потому что почувствовал запах его крови!

Он вспомнил слова Вэй Лэй и, поглаживая подбородок, продолжил:

— Похоже, хотя Оу Цзыхэн и неприятный человек, на этот раз он стал жертвой несправедливости. Я предполагаю, что подозреваемый изначально хотел навредить Вэй Лэй, поэтому подстроил всё с императорским халатом. Но роль перешла к Оу Цзыхэну, и он носил этот халат с самого начала.

Он потянул за халат, который держал Ся Сяньнин:

— Что касается этой одежды, сначала её надел Вэй Лэй, потом я. Энергия смешалась, и хотя остатки крови всё ещё привлекают духов, проклятие на ней уже не действует.

— Хотя оно и не действует, найти того, кто наложил проклятие, будет несложно, — сказал Ся Сяньнин. — Какие у тебя планы? Будешь продолжать играть?

Чтобы использовать одежду для поиска места, где находится гу летающей головы, нужно было дожидаться заката, когда энергия ян ослабевает. Ему нужно было забрать одежду и отправить всех духов на перерождение. Если Ло Инбай решит остаться, Ся Сяньнин не смог бы ждать его.

Ло Инбай наклонился, чтобы лучше рассмотреть выражение лица Ся Сяньнина, и спросил:

— Эй, кажется, ты совсем не хочешь, чтобы я играл. Почему? Ревнуешь?

Ся Сяньнин, не поднимая глаз от одежды, спокойно ответил:

— Ты слишком много думаешь.

Ло Инбай поднял бровь и усмехнулся:

— Слишком много? Ладно, допустим, я слишком много думаю. Но я всё равно не буду играть. Заканчиваем, идём домой!

Его решительность удивила Ся Сяньнина, и он невольно взглянул на него.

Ло Инбай засмеялся:

— Ты не заметил? Выражение лица и язык тела режиссёра Сяо явно говорили о том, что сцена получилась неудачной. На девяносто девять процентов меня больше не позовут.

Ся Сяньнин нахмурился, чувствуя лёгкое раздражение:

— Почему? Я не вижу, чтобы ты играл неподходяще.

Ло Инбай равнодушно пожал плечами:

— Я не знаю. Я и не хочу быть актёром, просто хотел попробовать. Ладно, пошли, пошли.

Он оказался прав — сцену больше не снимали. Роль Линъань-цзюня полностью вырезали.

Не потому, что Ло Инбай плохо сыграл, а потому, что он сыграл слишком хорошо, практически затмив Ли Шэна, превратив его во второстепенного персонажа. Это заставило режиссёров осознать давно назревшую проблему: как второстепенный персонаж, Линъань-цзюнь был слишком ярким.

Невероятная красота, трагическая история, коварный характер, благосклонность императора — всё это вместе сделало персонажа слишком эффектным. Такой герой, не являясь главным, создавал проблемы независимо от того, как его играли.

Режиссёр Сяо сначала пытался отстоять роль, но в конце концов сдался и с сожалением

попрощался с Ло Инбаем, вручив ему гонорар — проблемный костюм и тысячу юаней.

Ло Инбай с радостью принял подарок.

Перед его уходом режиссёр Ся неоднократно подчёркивал, что обязательно свяжется с ним, если появится подходящая роль.

Таким образом, роль полностью исключили, и все сцены, снятые с участием Вэй Лэй и Ло Инбая, пришлось вырезать. Однако режиссёр Ся, пересмотрев их несколько раз, не смог решиться окончательно удалить эпизоды с Ло Инбаем и временно сохранил их.

Ло Инбай, довольный полученными деньгами, сказал Ся Сяньнину:

— Я угощаю тебя ужином. Господин Ся, не против отведать простой еды?

На лице Ся Сяньнина появилась лёгкая улыбка:

— Пошли.

Они поужинали в небольшом ресторанчике с горячим горшком неподалёку от съёмочной площадки, а затем отправились обратно в Отдел особых расследований. В машине витал лёгкий аромат горячего горшка.

Ся Сяньнин открыл своё окно и между делом заметил:

— Не ожидал, что за почти год отсутствия дома твоя привередливость в еде так улучшилась.

Ло Инбай вздохнул:

— В основном из-за денег. Ты же знаешь, когда я уходил, я оставил всё имущество и больше не занимался фэншумом, просто подрабатывал в школе, чтобы заработать немного денег. Даже за первый семестр я занял у тебя на учёбу. Могу ли я позволить себе выбирать? Три раза в день — хлеб с солью, а по выходным добавляю солёные овощи. Это уже неплохо.

Хотя он явно преувеличивал, превращая небольшие трудности в настоящую драму, Ся Сяньнин почувствовал лёгкую боль в сердце. Этот человек с детства был избалованным, дома даже посуду не мыл. Представить его работающим было почти невозможно.

Вспомнив сцены из своих снов после их воссоединения, он тихо вздохнул и сказал:

— Ты всё ещё хочешь жареный тофу? Я приготовлю его для тебя, когда вернёмся.

Мало кто поверит, но Ся Сяньнин был отличным поваром, и Ло Инбай обожал его жареный тофу. Однако, будучи знатным господином, он редко готовил. Ло Инбай обрадовался:

— Правда?

Ся Сяньнин кивнул.

Ло Инбай тут же начал льстить:

— Тогда, Ся Сяньнин, раз уж ты готовишь один раз, можешь приготовить ещё и жареные грибы.

— Хорошо.

— Может, зайдём в магазин и купим пару бутылок пива?

— Ага.

Ло Инбай не ожидал, что сегодня Ся Сяньнин будет так уступчив, и был в полном восторге, непрерывно хваля его:

— Я знал, что ты молодец! Не зря я в детстве делился с тобой палочками сахарного тростника...

Ся Сяньнин промолчал. Ведь вся палочка была его.

Ло Инбай продолжал:

— ...Жареные грибы в ресторанах просто несъедобны. Это не грибы, это жареный перец...

Ся Сяньнин сухо заметил:

— Разве не три раза в день ты ешь только хлеб, и даже солёные овощи — это роскошь?

Ло Инбай запнулся:

— Э-э...

Ся Сяньнин, увидев в окне растерянное выражение лица Ло Инбая, едва заметно улыбнулся.

Оба чувствовали себя легко, полагая, что если с помощью костюма удастся найти гу летающей головы, то дело станет ясным.

К вечеру Гоу Сунцзэ привёл подозреваемую, и все обнаружили, что человек, закопавший гу летающей головы у себя дома, оказался сестрой умершего актёра Чжэн Хуэя — Чжэн Ишань.

При первом взгляде на неё каждый испытывал лёгкое сожаление — у неё была стройная фигура и светлая кожа, она могла бы быть красивой, если бы не шрамы, покрывающие левую сторону лица, полностью испортившие её внешность.

Её волосы были растрёпаны, а на лице читалась паника — кто бы не запаниковал, если бы его среди ночи разбудили и обвинили в убийстве?

В комнате для допросов она, отвечая на вопросы, непрерывно бормотала:

— Я не делала этого... Я не делала...

Гоу Сунцзэ, у которого уже налились кровью глаза от усталости, с раздражением ответил:

— Сестра, слова «я не делала» может сказать кто угодно. Нам нужны доказательства. Эта штука была найдена под твоей кроватью, верно? Можешь объяснить, как она там оказалась?

— Да, она была в комнате моего брата.

<http://bllate.org/book/15511/1395851>